

Татьяна Маратовна ОвчинниковаОмский государственный педагогический университет, кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, Омск, Россия
e-mail: t_ovch@mail.ru**Образ конфликтной ситуации: онтогносеологические аспекты**

Аннотация. В статье рассматриваются онтогносеологические аспекты конфликтного взаимодействия. Анализируются различные подходы к пониманию ситуации, определению понятия «конфликтная ситуация», соотношению понятий «конфликтная ситуация» и «конфликт». Описаны интерпретации образа конфликтной ситуации в философии, социологии, психологии, конфликтологии, а также в алгебре рефлексивных процессов. Приведены результаты экспериментального исследования, позволившие выявить структурные компоненты образа конфликтной ситуации на уровне обыденного знания. Показано, что в повседневной жизни представление человека о конфликтной ситуации связано в первую очередь с деструктивным поведением субъектов, агрессивными вербальными и невербальными реакциями, негативными исходами ситуации. Предложена структура конфликтной ситуации и ее образа. Сделан вывод о необходимости трансформации образов конфликтной ситуации, сложившихся у сторон конфликта, для эффективного управления им.

Ключевые слова: конфликт, управление конфликтом, конфликтная ситуация, структура конфликтной ситуации, образ конфликтной ситуации.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках междисциплинарной научной лаборатории ОмГПУ «Философия образования и философия в образовании».

Tatyana M. OvchinnikovaOmsk State Pedagogical University, Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: t_ovch@mail.ru**The Image of a Conflict Situation: Ontological and Epistemological Aspects**

Abstract. The article considers the ontological and epistemological aspects of conflict interaction. Various approaches to understanding the situation, defining the concept of “conflict situation”, the relationship between the concepts of “conflict situation” and “conflict” are analysed. Interpretations of the image of a conflict situation in philosophy, sociology, psychology, conflictology, as well as in the algebra of reflexive processes are described. The results of an experimental study are presented, which made it possible to identify the structural components of the image of a conflict situation at the level of everyday knowledge. It is shown that in everyday life, a person’s idea of a conflict situation is associated, first of all, with the destructive behaviour of subjects, aggressive verbal and non-verbal reactions, negative outcomes of the situation. The structure of a conflict situation and its image is proposed. A conclusion is made about the need to transform the images of a conflict situation that have developed among the parties to the conflict for effective management.

Keywords: conflict, conflict management, conflict situation, structure of conflict situation, image of conflict situation.

Acknowledgements. The research was carried out within the interdisciplinary scientific laboratory of OmSPU “Philosophy of Education and Philosophy in Education”.

Введение (Introduction)

Понимание и признание ситуационной детерминации социального поведения позволяет рассматривать поведение человека как результат сложного взаимодействия объективного и субъективного, реальности и когнитивных схем. Отражение реальных обстоятельств и придание им смысла

создает субъективную реальность — неструктурированную картину, не разделенную в сознании на элементы, в которой существуют представления человека о себе, об оппоненте, об отношениях и взаимодействии с ним. В конфликтологии совокупность таких представлений традиционно называют образом конфликтной ситуации. Несмотря на существующие

© Овчинникова Т. М., 2024

Для цитирования: Овчинникова Т. М. Образ конфликтной ситуации: онтогносеологические аспекты // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 4 (45). С. 42–47. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-45-42-47

исследования зависимости поведения субъектов от восприятия и интерпретации конфликта, участниками которого они являются [1; 2; 3], единого подхода к определению понятий «конфликтная ситуация», «образ конфликтной ситуации», к соотношению понятий «конфликт» и «конфликтная ситуация», а также к описанию структуры конфликтной ситуации и ее образа не существует. Целью данной работы является осмысление концепта «образ конфликтной ситуации» и выявление его структурных элементов. Теоретическое знание о содержании, структуре, закономерностях формирования образа конфликтной ситуации позволит определить пути коррекции взаимодействия конфликтующих субъектов и повысит эффективность управления конфликтом.

Методы (Methods)

В ходе исследования применялись методы системного и сравнительного анализа существующих теоретических представлений о ситуационной природе конфликта. Сравнительный анализ позволил выявить общее и особенное в психологическом, социологическом и математическом подходах к пониманию ситуации и ее структурных элементов. На основе системного анализа создана обобщенная модель конфликтной ситуации, отображающая различные ее компоненты в их взаимосвязи и взаимозависимости. Междисциплинарный подход позволяет интегрировать достижения философской антропологии, социальной философии, психологии, социологии, конфликтологии при исследовании обозначенной проблемы. Онтологический подход к исследованию конфликта, с позиции которого каждый его участник является активным субъектом, конструирующим социальную реальность, позволяет понять взаимосвязь образа конфликтной ситуации и поведения в конфликте. Методы эмпирического исследования, направленные на выявление семантического поля конфликтной ситуации, включали в себя интервьюирование и рисуночную методику исследования восприятия конфликта.

Литературный обзор (Literature Review)

При всех различиях в подходах к изучению конфликта в большинстве из них признается его объективно-субъективная природа — наличие внешних детерминант и субъективных факторов человеческой психики. В социологии конфликта разработка методологии ситуационного анализа связана прежде всего с именем Уильяма Айзека Томаса, представителя Чикагской школы социологии. Ему же принадлежит и приоритет в постановке проблемы определения ситуации на личностном уровне. Ситуация у Томаса представляет собой совокупность внешних стимулов, внутренних стимулов и представлений о внешних стимулах, формируемых под влиянием стимулов внутренних [4]. В ситуации, которую индивид или создал сам, или в которую попал помимо своей воли, раскрываются его установки, мотивы, устремления. Поэтому одна и та же ситуация может «в одном случае вести человека к нормальному приспособлению, в другом — к преступлению, в третьем — к сумасшествию. Результат зависит от того, сформировали ли предшествующие переживания одну или другую констелляцию установок» [5, с. 195], т. е. всякому поведенческому акту

предшествует рассмотрение и обдумывание той реальности, в которую в данный момент помещен индивид, эту стадию «преддеятельности» Томас называет «определением ситуации» [6, с. 122]. При этом определение ситуации определяет не только реакцию на объективные обстоятельства, но и «весь образ жизни и самое личность следует из цепи таких определений» [6, с. 122].

Идеи Томаса получили развитие в трудах представителя структурного функционализма Роберта Кинга Мертон, который ввел в научный оборот термин «самоисполняющееся пророчество» для описания влияния предвидения или ожидания какого-либо события на его реализацию в действительности. Впрочем, как отмечает Д. С. Хаустов, похожие идеи высказывались еще до появления теоремы Томаса Гоббсом, МанDEVИЛЕМ, ФРЕЙДОМ, САМНЕРОМ, ПОППЕРОМ и другими мыслителями [7, с. 38]. Мертон отмечал, что человек реагирует не только на объективные составляющие ситуации, но и на придаваемые им значения, которые детерминируют его поведение и в некоторой степени предопределяют последствия этого поведения. Мнение только тогда не будет становиться реальностью, когда первоначальное допущение будет подвержено сомнению [8, с. 606–609].

Первыми психологическими исследованиями, в которых поведение личности определяется реакцией на внешние стимулы, стали исследования Дж. Долларда, Н. Миллера, Л. Берковица, А. Бандуры и др. Были сделаны следующие выводы: у каждого человека есть специфический набор реакций на внешние воздействия, которые образуют иерархию побуждений (Н. Миллер); на реальное поведение влияет то, как сам человек интерпретирует внешнее воздействие; ситуативное эмоциональное состояние имеет сложную структуру (воспоминания, мысли, чувства, экспрессивные двигательные реакции), где все компоненты взаимозависимы, активация одного структурного компонента приводит в действие другие (Л. Берковиц) [9, с. 22–25]. Таким образом, «внешнее» определяет «внутреннее», при этом не существует абсолютного и универсального внешнего стимула, как и тождественных реакций на него.

Рассмотрение взаимозависимости «внешнего» и «внутреннего», позволившее преодолеть их противостояние, мы встречаем в теории поля Курта Левина. Он утверждал, что при объяснении поведения личности нужно учитывать не только внешние и внутренние факторы, но и рассматривать, как эти факторы влияют друг на друга. Человек и его среда — это жизненное пространство или психологическое поле, текущим состоянием которого является ситуация. Поведение есть функция текущей ситуации, поведение включает в себя внешние и внутренние изменения, целенаправленную контролируемую деятельность и эмоциональные вспышки: перемещения и действия человека в физическом пространстве, его «мышление, желания, проявление эмоций, речь» [10, с. 183]. Заметим, что в работах Долларда, Миллера и др., посвященных изучению агрессии и ее фрустрационной детерминации, конфликт все же не является основным предметом исследования, а если и упоминается в контексте, то как внутриличностный. Курт Левин в своем динамическом поле рассматривает и межличностные, и внутригрупповые конфликты, а его работа

«Разрешение социальных конфликтов» по праву считается первым исследованием по психологии конфликта с позиции ситуационного подхода.

Ситуационная природа конфликта стала основным предметом научного анализа в исследованиях М. Дойча, ученика и коллеги К. Левина. Описывая факторы, влияющие на динамику конфликта, Дойч среди прочих называет самосбывающиеся пророчества, описанные Мертоном, предубеждения и невольные обязательства [11, с. 57]. По мнению Дойча, реакция каждой из сторон конфликта обусловлена собственной оценкой оппонента, прогнозированием его возможных действий, а также восприятием его реального (не ожидаемого) поведения. В процессе восприятия, понимания и объяснения этого поведения могут возникать мотивы, отличающиеся от тех, которые привели к конфликтному взаимодействию сторон. Таким образом, «ни возникновение конфликта, ни его результаты не являются в полной мере детерминированными объективными условиями» [11, с. 62].

Работы К. Левина и М. Дойча сделали фактически общепризнанным и в социологии, и в психологии представление о том, что поведение личности определяет не ситуация, которая может быть описана объективно, а то, «как она дана субъекту в его переживании, как она существует для него» [6, с. 123]. Особый всплеск активности в исследовании проблемы социальной ситуации, по мнению Н. В. Гришиной, наблюдается в начале 1980-х гг., связан он с исследованиями Х. Хекхаузена, Д. Магнуссона, М. Аргайла, А. Фернхема, Дж. Грахама, Н. Кантор, У. Мишела, Дж. Шварца и др. [6, с. 123].

В математике конфликта восприятие ситуации сторонами как необходимый элемент ее моделирования рассматривается В. А. Лефевром и Г. Л. Смоляном. Рефлексивная модель, предложенная авторами, позволяет находить решение конфликта, оперируя не только с действительностью, но и с теми ее картинками, которые отражаются в головах его участников и заполняют их внутренний мир [12; 13].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

В современных междисциплинарных исследованиях наиболее распространенным является понимание ситуации как системы внешних по отношению к субъекту условий, «побуждающих индивида к деятельностной активности» [14, с. 408]. Попадая в ту или иную ситуацию, человек определяет и саму ситуацию, и себя в ней, реагируя на полученные представления и конструируя тем самым свою реальность и, в частности, свое поведение. При этом, по мнению Б. Ф. Ломова, причиной даже простейшего ситуационного поведенческого акта является не отдельное событие, а система событий, связанных и с «особенностями того, кто в этой ситуации действует, и с самой его деятельностью» [15, с. 118]. Таким образом, решающее значение для понимания поведения личности в той или иной ситуации, например в ситуации конфликта, имеет то, какие именно условия, события, состояния воспринимаются, оцениваются и конструируются ею, иными словами, какова структура ситуации. В словаре-справочнике Т. В. Жеребило в качестве структурных элементов ситуации названы субъекты

и объекты с присущими им свойствами, статусом и функциями, а также действия, процессы, состояния, отношения, пространственно-временной континуум [16]. Есть и иной подход: структурным элементом ситуации является не только субъект, осуществляющий некую деятельность в предлагаемых обстоятельствах, но и его восприятие, а также осмысление как внешних условий, так и собственных внутренних состояний. То есть ситуация понимается как единство объективного и субъективного — внешних обстоятельств в интерпретации отдельным человеком [1, с. 162]. Необходимыми компонентами при таком подходе являются субъект — обстоятельства — смысл, отсутствие хотя бы одного из них, по мнению П. В. Векленко, не позволяет утверждать о наличии ситуации [17, с. 16]. Обстоятельства как реальные и внешние в пространственном, временном и функциональном отношении условия жизнедеятельности человека определяют его активность. Но эта активность не является бессознательной, а детерминируется индивидуальным восприятием, переживанием и интерпретацией обстоятельств, в которых оказался субъект, т. е. приданием происходящему определенного смысла. Таким образом, любая ситуация объективна, но ее возникновение, развитие и исход зависят от того смысла, который субъект проецирует на обстоятельства [18, с. 23–24].

Д. Магнуссон выделяет структурные и содержательные характеристики ситуации, называя в качестве структурных сложность, ясность, силу и способствование (ограничение), а в качестве содержательных — задачи, правила, роли, цели, ожидания и мотивацию личности [6, с. 127]. На наш взгляд, более «измеряемый» характер имеют структурные компоненты ситуации, предложенные М. Аргайлом и его коллегами: целевая структура, репертуар элементов, правила, последовательности поведения, концепты, окружающие условия, роли, навыки и трудности [19, с. 179].

Говоря о конфликтной ситуации, отметим, что среди специалистов-конфликтологов нет единого подхода к определению данного понятия. Конфликтную ситуацию рассматривают в контексте и структуры, и динамики конфликта. В первом случае ее называют противоречием, по сути отождествляя с предметом конфликта (Г. И. Козырев), совокупностью обстоятельств, содержащих предпосылки конфликта (Б. И. Хасан и П. А. Сергоманов), и самой предпосылкой (В. П. Ратников). Во втором случае говорят и о первом этапе развития конфликта (Ю. Ф. Лукин, Е. И. Степанов, О. З. Муштук, А. Р. Аклаев), и о состоянии дисбаланса социальной системы (В. А. Светлов, В. А. Семенов) [20, с. 124]. Обозначим следующие принципиальные моменты, на которые будем опираться в дальнейшем:

1. Понятия «конфликтная ситуация» и «ситуация конфликта» синонимичны.

2. Конфликтная ситуация, как и всякая ситуация, предполагает наличие триады: субъект (субъекты) — обстоятельства — смысл.

Под обстоятельствами в ситуации конфликта будем понимать события, факты, процессы, внешние по отношению к субъекту и значимые для достижения целей, которые он преследует, возможно, неосознанно. Обстоятельства предшествуют конфликтным действиям и в момент их

совершения не зависимы от них. Заметим, что именно так большинство конфликтологов определяют объективные причины или условия возникновения конфликта.

Субъект в конфликтной ситуации «является носителем деятельности и генератором смыслов, опосредующих эту деятельность» [17, с. 16]. Субъект — это не пассивный «созерцатель», а активный участник, совершающий определенные действия для достижения своих целей. В соответствии с когнитивно-аффективной теорией Мишела, каждый человек обладает определенными стратегиями кодирования информации, с помощью которых внешние стимулы преобразует в личностные конструкты [21, с. 215–216]. Как следствие, одни и те же обстоятельства у различных субъектов могут порождать разные смыслы; схожие события могут кодироваться одним и тем же субъектом по-разному, если они сопровождаются другими, не схожими между собой событиями. Стратегии кодирования наряду с компетентностями личности, ее ожиданиями, целями и ценностями, а также эмоциональными реакциями на те или иные обстоятельства создают личностный автограф (по Мишелю), от которого зависит внутреннее видение ситуации, в том числе конфликтной. Результат этого «внутреннего», субъективного видения конфликтной ситуации называют ее образом. Образ конфликтной ситуации есть когнитивная схема — система взаимосвязанных смыслов, создаваемая с помощью личностного автографа на основе определенного ключевого убеждения. В ситуации конфликта это убеждение связано с несовместимостью интересов, целей, действий индивидов. Таким образом, триада «субъект — обстоятельства — смысл» может быть дополнена следующим образом: субъект и его личностный автограф — обстоятельства — смысл — образ конфликтной ситуации. Если конфликтная ситуация предполагает синтез объективного и субъективного, то образ конфликтной ситуации имеет исключительно субъективную природу. Можно говорить о том, что образ конфликтной ситуации является моделью конфликтной ситуации.

Возникает вопрос: а каково соотношение понятий «конфликтная ситуация» и «конфликт»? Н. В. Гришина, определяя конфликт как ситуацию, в которой имеет место противоречие (противодействие, противостояние, противоборство), говорит далее о том, что существенные признаки конфликта «дифференцируют» его «от других социальных ситуаций и образуют категорию явлений, имеющих значение “конфликтная ситуация”» [1, с. 175]. Тем самым данные понятия отождествляются. Но одним из существенных признаков ситуации является индивидуальное восприятие, переживание, истолкование и придание человеком определенного смысла неким обстоятельствам, имеющим объективное содержание. Тогда реально протекающий конфликт теряет свою самостоятельность и превращается во множество конфликтов: у каждого участника свой конфликт. Представляется, что конфликт есть множественность, воплощенная в единичных конфликтных ситуациях, но им не тождественная. Конфликтная ситуация единична и уникальна, как уникален смысл, придаваемый каждым участником конфликта одним и тем же обстоятельствам. Отношения конфликта и конфликтной ситуации — это отношение части и целого.

Но это целое не поглощает части и не является простой суммой своих частей, а развивается, разворачивается во времени и пространстве одновременно с ними. Вместе с тем, представляя конфликт как некую множественность, на которую можно целенаправленно влиять, необходимо помнить о том, что общее проявляет себя в единичном. Не бывает управления вообще, — управляя конфликтом, мы воздействуем на его субъектов, каждый из которых создает свою конфликтную ситуацию, воплощенную в ее образе. Следовательно, для эффективного управления конфликтом важно определить ключевые компоненты, присутствующие в любой конфликтной ситуации. Поскольку мы считаем образ конфликтной ситуации ее моделью, то комплекс свойств структурных элементов образа, а также связей и отношений между ними сходен с соответствующим комплексом оригинала, т. е. самой конфликтной ситуации. Будем далее считать, что структура конфликтной ситуации и структура образа конфликтной ситуации идентичны.

Н. И. Леонов в структуре образа конфликтной ситуации выделяет образ себя, образ оппонента и концептуальность ситуации [22, с. 170]. На наш взгляд, концептуальность ситуации как совокупность представлений о ней с позиции субъекта уже включает в себя и образ себя, и образ оппонента. В алгебре рефлексивных процессов структурными компонентами ситуации являются плацдарм (объективная обстановка), планшет (отображение плацдарма в сознании участника), цели участников рефлексивной игры, их доктрины (набор личностных факторов) и решения как выбор стратегии поведения [20, с. 125].

Н. В. Гришина отмечает три признака конфликтной ситуации: поведенческие аспекты ситуации, противоречие между участниками ситуации и их аффективные проявления [1, с. 175]. В нашем исследовании респондентам было предложено вспомнить ситуацию, которую они считают конфликтом, изобразить ее и перечислить те моменты, которые позволяют называть ее конфликтом. На рисунках под названием «Конфликт» в 85 % случаев изображены люди, в остальных случаях конфликт ассоциируется с грозой, весами, клубком, неким набором абстрактных фигур. Почти 60 % респондентов изобразили негативные эмоции участников конфликта, чуть меньше половины (47 %) вербальные сигналы, отражающие противоречивые позиции. Лишь в 10 % случаев была попытка как-то обозначить предмет конфликта. Практически на всех рисунках, где изображены люди, конфликт является межличностным (два человека). На одном рисунке изображена группа, где стороны конфликта не выделяются, и на одном — две стороны и посредник.

Далее мы проанализировали, какие структурные элементы ситуации, выделенные Аргайлом, присутствуют в описаниях конфликтной ситуации, сопровождающих изображение, и проранжировали их (ранг определялся в зависимости от количества неповторяющихся слов, словосочетаний или предложений, отражающих, на наш взгляд, тот или иной компонент структуры). Ожидаемо на первой позиции расположились поведенческие аспекты (Гришина) или репертуар (Аргайл), к которому ученый относит действия, невербальную и вербальную коммуникацию, причем последняя предполагает определенное вербальное содержание,

соответствующее ситуации [19, с. 182–183]. К репертуару конфликтной ситуации можно отнести следующие конфликтные действия, на которые указали респонденты: «драка», «применение физической силы», «агрессия». Помимо действий, отмечена вербальная коммуникация с агрессивным содержанием («перепалка», «оскорбления», «упреки», «бранная речь», «ругань») и невербальная («повышенный тон», «язык тела», «злое выражение лица»). Также в качестве отличительных особенностей конфликта называются манипуляции. Их можно отнести к «большим единицам» — интегративным, соответствующим индивидуальным целям оппонентов конфликтной ситуации. На второй позиции находятся концепты — личностные конструкты сторон конфликта, такие как «принципиальность», «боязнь проявить слабость», «сложность уступить кому-либо», «склонность к затягиванию решения», «неспособность договариваться», «неумение слушать и слышать», «неумение контролировать эмоции», «низкая самооценка», «неустойчивость психики». По сути, концепты есть субъективные причины конфликта, которые вполне осознаваемы нашими респондентами.

На третьем месте оказались цели сторон конфликта (или «противоречие», по Гришиной [1, с. 175]), такие как «стремление реализовать свои интересы», желание «занять более выгодную позицию», «доказать свою правоту», а также «нежелание принять иную версию происходящего». Далее (четвертая позиция) — последовательности взаимодействия, характерные для конфликтных ситуаций. В качестве таковых назывались «переход от оскорблений к физическому насилию» и «дальнейшее углубление в каждое из мнений». Интересными представляются следующие цитаты: «Ситуация подпитывается старыми обидами» и «Самое главное страх, а все остальное — это реакция на него». Заметим, страх в этом предложении — это единственное упоминание об аффективных проявлениях участников конфликта (Гришина). Пятую и шестую позиции разделили правила и трудности. По мнению Аргайла, все ситуации управляются правилами, которые существуют для достижимости целей участников ситуации и присваиваются индивидом в процессе социализации [19, с. 182]. Все правила ситуации конфликта нашими респондентами сведены к двум основным — насильственные пути решения и негативное эмоциональное воздействие сторон конфликта друг на друга, детально они раскрыты в описаниях репертуара. Каждая социальная ситуация представляет определенные трудности для ее участников, в качестве трудностей конфликта назывались «запутанная ситуация», «неприятная ситуация», «трудно увидеть ситуацию в целом», «непонимание другого». Чтобы справиться с конфликтной ситуацией, стороны должны обладать определенными навыками, отсутствие которых перечислено в структурном элементе «концепты». Итак, из восьми характеристик ситуации, выделенных Аргайлом, в ответах респондентов нами обнаружено шесть, и самая «популярная» характеристика конфликта — это репертуар — внешнее его проявление. В описаниях конфликта мы не увидели окружающую среду и роли участников ситуации, хотя на рисунках в 25 % случаев окружающая среда была представлена (школа, дом, дорожная ситуация).

Анализ ответов наших респондентов позволил дополнить перечень характеристик конфликтной ситуации еще одним элементом — последствиями. Упомянулся он лишь единожды и звучал следующим образом: «Или стоят, или договаряются». Таким образом, важная антиципационная составляющая конфликтной ситуации, связанная с прогнозированием ее исходов, в описаниях конфликта участниками нашего эксперимента практически отсутствует. Между тем, в соответствии с когнитивно-аффективной теорией Мишела, предвидение (предсказание) поведения окружающих необходимо человеку для успешного функционирования в социуме [21, с. 215].

Представляется необходимым добавить еще один компонент, он также отсутствовал в описаниях конфликтной ситуации. В интегративной модели агрессии К. Андерсона единичным циклом социального взаимодействия является «эпизод» или «человек в ситуации». По мнению Андерсона, процесс социального взаимодействия опосредован аффективным и когнитивным реагированием личности на ситуацию. Отличительной же особенностью эпизода является его завершение — оценка ситуации и принятие решения. Андерсон рассматривает два вида оценки: автоматическую, не требующую понимания, и переоценку, предполагающую поиск альтернативного взгляда на причины происходящего, интерпретацию воспоминаний и особенности текущей ситуации. Автоматическая оценка приводит к импульсивным поведенческим актам, переоценка — к обдуманым действиям. Для того чтобы переоценка была возможна в принципе, требуется наличие времени и когнитивных способностей «человека в ситуации». Автоматическая оценка также ситуативна, поскольку зависит и от черт личности, и от того, какие ее когнитивные структуры доступны в данном эпизоде [9, с. 49–55]. Очевидно, переоценка связана не только с прошлым и настоящим эпизодом, но и с прогнозированием исходов текущего эпизода, хотя Андерсон прямо не упоминает о нем.

Итак, структуру образа конфликтной ситуации можно представить следующим образом (табл.).

Структура образов конфликтной ситуации

Компонент образа конфликтной ситуации	М. Аргайл (основные компоненты ситуаций)	В. Лефевр, Г. Смолан (рефлексивная игра)
Образ «Я»	Концепты	Игроки и их доктрины
Образ «Он/она», или образ оппонента	Роли	
Образ внешних обстоятельств	Окружающая среда Трудности Правила	Планшет
Цели, моя и оппонента	Структура целей	Цель
Действия, мои и оппонента	Репертуар Последовательность поведения	—
Последствия действий, моих и оппонента	—	—
Исходы	—	—
Решение	—	Решение

Заключение (Conclusion)

Противодействие сторон, выбор ими стратегий поведения — это лишь внешние проявления конфликта, реальность, конструируемая самими участниками на основе их представлений и о сложившейся ситуации, и о себе в этой ситуации. Под влиянием обстоятельств сознание субъекта наполняется множеством смыслов, которые актуализируют потребности и, как следствие, формируют интересы. Интересы, в свою очередь, генерируют мотивы, определяющие цели. При этом из отсутствия целенаправленного поведения конфликтующих сторон не вытекает отсутствия у них целей. Аналогичным образом можно утверждать, что поведение субъекта в конфликте не может быть бессмысленным, смысл есть всегда, просто он не всегда очевиден. Не только обстоятельства генерируют смысл, осмысление обстоятельств, определяющее активность субъекта в ситуации конфликта, может трансформировать уже возникшие обстоятельства и создавать новые.

Отношения конфликта и конфликтной ситуации — это отношение части и целого. Конфликт как процесс можно считать множественностью, воплощенной в единичных конфликтных ситуациях, каждая из которых уникальна, как уникален смысл, придаваемый каждым участником конфликта одним и тем же обстоятельствам. Результат «внутреннего», субъективного видения конфликтной ситуации является ее образом. Структурными компонентами образа конфликтной ситуации являются «Я-образ», «Он (она)-образ», «Образ внешних обстоятельств», «Цели», «Действия», «Последствия действий», «Исходы конфликтной ситуации», «Возможные решения». В обыденном сознании эти структурные единицы, как правило, не дифференцированы, не все из них в принципе представлены. Для эффективного воздействия на конфликтное поведение субъектов и, как следствие, эффективного управления конфликтом необходимо актуализировать все обозначенные выше структурные компоненты образа конфликтной ситуации, в том числе ее последствия и возможные исходы.

Библиографический список

1. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб. : Питер, 2003. 464 с.
2. Главатских М. М. Взаимосвязь образа конфликтной ситуации с поведением в конфликте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2003. 22 с.
3. Смирнова Ю. С. Атрибутивные процессы в конфликтном взаимодействии // Психологический журнал. 2011. № 1–2. С. 40–44.
4. Бабич Н. С. К вопросу о точной формулировке «теоремы Томаса» // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11. С. 42–47. DOI: 10.24158/spp.2021.11.5
5. Томас У. А. Поведенческий паттерн и ситуация // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века : сб. переводов. М. : Изд-во Ин-та науч. информации по общественным наукам Рос. акад. наук, 2010. С. 185–198.
6. Гришина Н. В. Психология социальных ситуаций // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 121–132.
7. Хаустов Д. С. Теорема Томаса: жизнь одной идеи // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2, № 3 (21). С. 38–45.
8. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 873 с.
9. Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб. : Речь, 2007. 480 с.
10. Сериков А. Е. Концептуальный конструкт «поведение» в теории поля Курта Левина // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 180–187. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-180-187
11. Дойч М. Разрешение конфликта (конструктивные и деструктивные процессы) // Конфликтология : хрестоматия / сост. Н. И. Леонов. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; Воронеж : МОДЭК, 2003. С. 53–69.
12. Лефевр В. А., Смолян Г. Л. Алгебра конфликта. М. : Знание, 1968. 64 с.
13. Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М. : Советское радио, 1973. 158 с.
14. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М. : Проспект, 2006. 560 с.
15. Ломов Б. Ф. О ситуации // Психология социальных ситуаций / сост. и под общ. ред. Н. В. Гришиной. СПб. : Питер, 2001. С. 117–119.
16. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста : словарь-справочник / сост. Т. В. Жеребило. 2011. Электрон. версия. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/text-analysis/fc/slovar-209.htm#zag-209> (дата обращения: 15.09.2024).
17. Векленко П. В. Ситуационный подход в познании : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Барнаул, 2013. 29 с.
18. Векленко П. В. Ситуационный подход в познании. Омск : Амфора, 2012. 144 с.
19. Аргайл М. Основные характеристики ситуаций // Психология социальных ситуаций / сост. и под общ. ред. Н. В. Гришиной. СПб. : Питер, 2001. С. 178–188.
20. Овчинникова Т. М. Ситуационные основания рефлексивной модели конфликта // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 124–126.
21. Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность теории, упражнения, эксперименты // RoyalLib : [сайт]. URL: https://royallib.com/read/freydger_robert/teorii_lichnosti_i_lichnostniy_rost.html#4382720 (дата обращения: 15.09.2024).
22. Леонов Н. И. Конфликтология : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2006. 232 с.